

СОДЕРЖАНИЕ

«ПУТЬ КИСТИ» ВЕДЕТ В ЭДО	8
Япония при сёгунах Токугава	10
Кошачья культура Японии	18
Кошки в литературе	27
КОБАЯСИ ИССА	38
Примечания переводчика	178
Библиография	180
Источники иллюстраций	181

*Исса, мастер хайку,
обретший свободу,
наблюдая за своими котами.*

ПУТЬ КИСТИ

ВЕДЕТ В ЭДО

文の道は江戸に至る

ЯПОНИЯ

при сёгунах Токугава

Двадцать первого октября 1600 года состоялось самое масштабное в истории Японии самурайское сражение, известное как битва при Сэкигахаре, победителем из которого вышел полководец Токугава Иэясу. Его называют последним из «великих объединителей» и приписывают ему завершение процессов по превращению разрозненных княжеств в государство с ярко выраженным политическим и символическим центрами.

Одержав победу в борьбе за власть и добившись формального

признания его заслуг со стороны императорского рода, Иэясу через три года был назначен на должность *сэйи тайсёгун* (яп. 征夷大將軍), или «великого полководца — усмирителя варваров». Данное назначение, вкуче с присвоенными ему почетными титулами, позволяло Иэясу выступать в качестве судьи в спорах между представителями сильных военных домов *бүкэ* (яп. 武家), издавать указы и законы, организовывать оборону страны и — с позволения императора — решать большинство политических вопросов. Должность

была наследственной, поэтому Иэясу мог закрепить и сохранить власть в руках своего рода.

От 24 марта 1603 года, или же 12-го дня 2-й луны 8 года девиза Кэйтё по традиционной системе летоисчисления, принятой тогда в Японии, дня, когда Иэясу официально стал сёгуном, ведется отсчет периода японской истории, продолжавшегося более двух с половиной веков и именуемого «эпоха Эдо» (1603–1868). Она получила свое название в честь некогда небольшой рыбацкой деревушки на северо-востоке острова Хонсю, выбранной новым сёгуном в качестве места своей «военно-полевой ставки» *бакуфү* (яп. 幕府), или центра политической власти. Император и двор, выполнявшие символические и ритуальные функции, оставались в Киото.

Благодаря концентрации элит и обслуживавшего их интересы многочисленного персонала город Эдо стал стремительно разрастаться. Помимо замка Эдо (яп. 江戸城, эдо дзё), по своим масштабам и функциям напоминавшего город внутри города, там вско-

ре появились многочисленные усадьбы представителей знатных самурайских фамилий и резиденции — *ясики* (яп. 屋敷), лавки торговцев, ремесленные улочки, харчевни, постоялые дворы и кварталы развлечений. В конце 30-х годов XVII века произошло несколько событий, определивших общий облик Японии на последующие два века и оказавших значительное влияние на формирование Эдо не просто как центра власти, но и «мегаполиса» своего времени.

Потомки Иэясу взяли курс на прекращение контактов со значительной частью внешнего мира, запретив иностранцам (за исключением немногочисленных голландских торговцев, проживавших на искусственном острове Дэдзима) находиться на территории страны, а японцам, уже без исключений, — покидать ее пределы. Позже японские ученые мужи называли это политикой *сакоку* (яп. 鎖国, букв. «страна на цепи»). Практически одновременно с этим для всех глав самурайских домов, имевших статус

князей — *даймё* и управлявших княжествами *хан*, принимает обязательный характер система, именовавшаяся *санкин котай* (яп. 参勤交代), буквально «попеременное появление на службе». Согласно ей, каждый из более чем трех сотен князей обязывался год жизни проводить в Эдо, в непосредственной близости к сёгуну, после чего на год мог вернуться в свои земли. И так до тех пор, пока он находился в этом статусе. Все расходы по строительству усадьбы, переездам, выплате жалования самураям и слугам ложились бременем на самих князей, которые, помимо прочего, не могли явиться в замок Эдо без дорогих подарков сёгуну. Согласно подсчетам историков, на одни лишь транспортные и логистические расходы ежегодно могло уходить до трети бюджета небольших княжеств. Подобные траты существенно снижали возможность восстания против рода Токугава со стороны недовольных его правлением самурайских фамилий, многие из которых затаили на него обиду еще с битвы при Сэкигахаре.

Политическое решение, направленное на укрепление власти бакуфу и подавление возможных очагов сопротивления, однако, имело и другой побочный эффект — оно превратило Эдо в один из крупнейших городов своего времени, число жителей которого превысило отметку в миллион человек уже к началу XVIII века. На его улицах встречались люди со всех уголков Японии, отправлявшиеся туда, чтобы прославиться или, наоборот, затеряться среди его пестрой и постоянно движущейся толпы. Самураи из вассальных домов и княжеская обслуга, сопровождавшие даймё в их путешествиях в Эдо и присматривавшие за поместьями в их отсутствие, не только усердно несли службу, но и развлекались, ведь свободного времени и возможностей у них было предостаточно.

Период Эдо часто характеризуется историками как исключительно мирное время, в которое Япония не знала ни внешних войн, ни крупных внутренних смут. Это, с одной стороны, делало возможным развитие искусств и ре-

месел, а с другой — вынуждало потомственных военных при-спосабливаться к мирной жизни и искать себе занятие по душе, от игры на музыкальных инструментах и сочинения стихотворений до постижения тонкостей чайного действия и создания цветочных композиций. В мирное время люди в принципе становились более внимательными к собственному быту, а постепенное увеличение благосостояния населения привело к тому, что мир вещей и отдохновений в этот период стал, как никогда ранее, разнообразным. Спрос рождал предложение. Так, в городе Эдо появилось множество мастеров и наставников по всем возможным видам культурных и не очень развлечений. Постичь эту науку могли не только самураи, но и представители всех четырех сословий, оказывавшиеся волею судеб в Эдо.

Одним из них был сын зажиточного землевладельца из провинции Синано Кобаяси Исса, автор стихотворений-хайку, вошедших в эту книгу. Его отец Ягобэй был далеко не последним

человеком в селении Касивабара, однако в силу особенностей системы налогообложения крестьянства в княжестве даже его семья была вынуждена искать дополнительные источники заработка, в том числе отправляясь на зиму в Эдо или подрабатывая извозом. Ягобэй надеялся, что его сын, с детства помогавший семье и в поле, и в быту, сумеет найти работу в большом городе и овладеет полезными навыками, которые позволят ему стать ремесленником или даже торговцем. Судьба, однако, распорядилась иначе.

Исса, в настоящее время признанный, наряду с Басё и Бусоном, гением поэзии трехстиший, оказался в Эдо в 1777 году, когда ему не было и пятнадцати лет. В поздних дневниках он, сравнивая себя с «жалкой пташкой без гнезда, вынужденной искать место для ночлега», писал, что ему месяцами приходилось спать где придется, как и многим другим искателям счастья, прибывавшим в Эдо в поисках работы. Они нанимались слугами, носильщиками паланкинов, выполняли поденную ра-

боту, становились бродячими торговцами или старьевщиками, однако у некоторых из них была возможность поступить в качестве подмастерья к ремесленнику и в перспективе даже унаследовать лавку. Относительно того, были ли у семьи Иссы связи и знакомые, которые бы обеспечили ему такое будущее, биографы расходятся во мнениях. Но не вызывает сомнений то, что Исса, во-первых, не горел желанием заниматься подобной работой и не то чтобы усердно искал ее. Во-вторых, в отличие от большинства крестьянских детей, у него было образование, что позволяло ему зарабатывать себе на жизнь искусством стихосложения.

В то время горожане поголовно увлекались чтением развлекательной, познавательной и поучительной литературы, равно как и сочинением небольших, часто носивших шуточный или остроумно-злободневный характер стихотворений. Согласно подсчетам японских историков, в то время в трех главных городах страны — Эдо, Киото и Осаке — грамо-

той владели более 60% мужчин и порядка 30% женщин. В мирное время для населения, изолированного от внешнего мира и живущего в строгих рамках словесных ограничений, чтение и сочинительство представлялись отличным инструментом для познания мира и проведения досуга. Для людей, способных не только к чтению, но и созданию текстов, сочинительство открывало, пусть и не всегда ясные, перспективы заработка и славы.

Исса, как и некоторые его современники, предпочел физическому труду «путь кисти» и поступил учеником к мастерам стихосложения, чем, возможно, разочаровал отца, но в будущем обрадовал бесчисленных почитателей его таланта. В 1790 году он официально примкнул к поэтической школе Кацусика. До этого Исса несколько лет занимался изящной словесностью, публикацией, участвовал в поэтических состязаниях, совмещая это с обязанностями надомного слуги и разнорабочего, что было обычной ученической практикой и в литературных, и ремесленных

домах. Он отличался от многих представителей своего сословия, отправившихся в Эдо в поисках заработка, так как знал грамоту. Однако в силу происхождения Исса также не был своим среди коренных горожан, с 70-х годов XVIII века именовавшихся *эдокко* (яп. 江戸っ子), или «детьми Эдо». В основной своей массе они принадлежали к категории городских простолюдинов — *тёнин* (яп. 町人), куда собирательно относили представителей ремесленного и торгового сословий. Но как жители главного города страны, они позволяли себе насмешливые ремарки даже в адрес самураев, прибывавших из провинций и княжеств. Эдокко слыли знатоками всех модных веяний и законодателями в области культурных развлечений, что находило отражение и в сочиняемых ими поэтических текстах.

Ко времени, когда Исса вступил на путь постижения тонкостей стихосложения, особой популярностью пользовались на городской манер утонченные стихи поэтов школы Эдо, основанной еще современником и близким другом

Басё, мастером *хайкай* Такараи Кикаку (1661–1707). Школа Кацусика, основанная другим другом Басё, поэтом Ямагути Содо (1642–1716), в свою очередь, больше тяготела к простоте и природным ландшафтам, что было ближе Иссе. Его жизненный опыт, чувствительность и внимание к деталям позволили ему зафиксировать в своих поэтических текстах как пеструю жизнь главного города Японии, так и обратную сторону этой повседневности, вписанную не в городские праздники с шумными гуляниями и фейерверками, но в природный годовой цикл. Поэзию японских трехстиший нередко сравнивают с фотографией, подчеркивая ее неразрывную связь с объектами в момент наблюдения. Если придерживаться данной аналогии, то не будет преувеличением заявить, что Иссе удалось запечатлеть в своих произведениях не только многочисленные сцены из японской городской и сельской жизни конца XVIII — первой половины XIX века, но и показать с их помощью человека периода Эдо, вписанного в сложную систему

отношений с окружающим его предметным миром.

В поле его зрения попадали дикие и домашние животные, птицы и насекомые, подзорные трубы и дырявые ширмы, лодки паромщиков и повозки грузчиков, статуи будд и святилища богов. Все это превращалось в материал для поэтической фиксации как окружающей действительности, так и его состояния в момент наблюдения. Японская культура в работах историков, литературоведов и культурологов характеризуется как тяготеющая к детализации пространства, внимательная к мелочам и склонная к выражению общего через частное. В данном контексте поэзия хайку, не предоставляющая значительного текстового простора, подсвечивает отдельные элементы повседневности, по которым становится возможным частичная реконструкция картины мира человека периода Эдо, приобретающая объемный характер благодаря персональному опыту Иссы. Безусловно, он во многом отличался от своих современни-

ков в плане восприятия, переживания и фиксации опыта. Однако, погруженный в общий с ними предметный мир, Исса испытывал знакомые многим людям того времени проблемы со здоровьем и материальные трудности, работал и отдыхал, радовался и печалился, и все это находило отражение в его дневниках и стихотворениях. Иными словами, он был не только тонким наблюдателем, но и частью описываемой им действительности и нередко черпал вдохновение в бытовых ситуациях.

Уэда Макото, исследователь и переводчик японской поэзии, посвятивший жизни и творчеству Иссы монографию «Роса на траве: Жизнь и поэзия Кобаяси Иссы» (*Dew on the Grass: The Life and Poetry of Kobayashi Issa*), характеризовал его следующим образом: «В жизни Исса вовсе не был поэтом-затворником, который стал бы проводить целый день, наблюдая за дикими птицами. Быть может, его даже больше, чем многих других, интересовали события обыденной мирской повседнев-

ности». Япония периода Эдо оказалась практически не вписанной в контекст международных связей, не знала крупных внутренних потрясений, бунтов и мятежей. Современные историки, обращаясь к описанию двух с половиной веков правления сёгунского дома Токугава, по тем же причинам зачастую находят его практически бессобытийным, особенно в сравнении с предшествовавшим ему временем междоусобных войн.

Для самих японцев, живших в то время, эпоха Эдо бессобытийной ощущалась далеко не всегда. При таких условиях значимость могли приобретать происшествия, обычно не удостоивающиеся внимания летописцев. Так, самурай по имени Сибамура Моримити написал в 1810–1812 годах, когда его возраст приближался к невероятным для людей его времени 90 годам, произведение «Асукагава». В нем он утверждал, что хотя иные читатели сочли бы его труд напрасным, но на его памяти и одежда, и жилище, и рацион питания, и даже речь горожан и селян изменились

настолько, что было бы не лишним это зафиксировать.

Сочинение Сибамуры информативно, но ретроспективно, тогда как трехстишия Иссы, создаваемые в момент непосредственного наблюдения или переживания, рассмотренные в хронологической последовательности, способны при должном анализе предоставить практически фотографически точную картину этих малозаметных стороннему наблюдателю перемен. Поэтические произведения при этом могут служить отличной иллюстрацией и ряда культурных универсалий в преломленной оптике автора периода Эдо. В частности, это напрямую касается отношений между человеком и другими живыми существами, среди которых, как подмечают исследователи, Исса чаще всего обращал внимание на кошек.

Кошачья

культура Японии

Исса был большим любителем кошек, что подтверждается множеством стихотворений, в которых он по-свойски обращается с ними и упоминает их с неизменной теплотой и заботой, передающихся и читателям. Он, однако, был далеко не первым и не последним японцем, поддавшимся обаянию кошачьих чар. Множество слов японского языка, обозначающих местные реалии, исторические понятия или элементы культуры, давно стали известны за пределами Японии: *самурай* (яп. 侍) и *гэйся* (яп. 芸者, в русском языке

чаще записывается как «гейша»), *сүси* (яп. 寿司) и *сасими* (яп. 刺身), *сакура* (яп. 桜) и *сакэ* (яп. 酒). Японские кошки и здесь сумели проявить природную ловкость и проникнуть в языки мира сразу на двух уровнях. Разумеется, слово «нэко» (яп. 猫) не заменит ни «кошку», ни cat, ни Katze, однако оно известно далеко за пределами Японии поклонникам массовой культуры и давно стало частью интернет-общения, как и звукоподражание «ня», с помощью которого в японском языке передается кошачье мяуканье. Со-

временные японцы ласково именуют своих питомцев не только «нэко-тян», но и «нянко-тян», что можно перевести как «мяукалка». В обиход вошли такие выражения, как «нэко-но бунгаку» (яп. 猫の文学), или «кошачья литература». Под этим понимается совокупность огромного и продолжающегося увеличиваться объема художественной прозы, поэзии и манги, где главными героями или знаковыми персонажами выступают коты и кошки, и даже «нэкономика», или «котономика».

Этот неологизм, основанный на игре слов и вдохновленный политическим термином «абэномика», описывавшим курс реформ бывшего премьер-министра Японии Абэ Синдзо, был предложен в 2015 году ученым-экономистом Миямото Кацухиро. Миямото обозначал им траты хозяев на нужды кошек, включая питание, ежедневный и медицинский уход, а также аксессуары. Сюда же он относит огромный вклад в экономику регионов, улучшение туристической привлекательности отдельных мест и направлений,

а также ажиотаж в отдельных секторах индустрии развлечений и сопутствующих товаров, который способно повлечь за собой использование образов милых четверолапых животных. Более широко данный термин трактуется как любой позитивный экономический эффект, который способен оказать образ кошки в качестве символа, официального маскота или любого другого элемента оформления повседневности. В одном из своих недавних исследований Миямото подсчитал, что суммарный объем «котономики» Японии за 2021 год превысил отметку в 1,9 триллиона иен, что превзошло даже расходы на токийскую Олимпиаду.

Настоящий «кошачий бум» в начале XXI века спровоцировала история трехцветной кошки по кличке Тама, чье обаяние помогло сохранить жизнеспособность железнодорожной станции Киси в префектуре Вакаяма. Сначала она выступала в качестве счастливого символа и рекламного образа, а позже получила вполне официальную должность станционного смотрителя. Ей полагалось не толь-

ко жалование, выплачивавшееся кошачьей едой, но и отдельное рабочее место, а к числу ее основных обязанностей относились встреча и приветствие пассажиров.

После того как новость о необычном работнике железных дорог облетела страну, пассажиропоток в Киси значительно увеличился, а суммарный объем средств, привлеченных ее образом в местную экономику, за непродолжительное время превысил отметку в миллиард иен. Она пошла на повышение и даже обзавелась собственными подчиненными в виде своей сестры Тиби и матери Миико, а также выиграла ряд профессиональных конкурсов, в том числе «Лучший станционный смотритель года». Транспортная компания, продолжая монетизировать успех, привлеченный Тамой, в 2009 году запустила в ее честь именной поезд «Тама дэнся», дизайн которого был оформлен в кошачьей стилистике. А в 2010 году была переоборудована и сама станция: теперь она стала внешне напоминать кошачью мордочку.

История трехцветной кошки со станции Киси произвела на японцев удивительный эффект — количество желающих завести кошку резко возросло, одновременно с этим выросли и траты на корм и сопутствующие товары. Тем гражданам, которые по разным причинам не могли позволить себе приобрести питомца, рынок быстро предложил альтернативу в виде котокафе. Если в 2005 году во всей Японии существовало всего три подобных заведения, то уже в 2016 году их количество увеличилось в 100 раз. Успешная практика по созданию положительного образа учреждения через найм животных, апробированная железнодорожниками станции Киси, по настоящее время активно используется японскими компаниями.

Другой бум моды на кошек в доме, уступавших в Японии лишь собакам, но периодически обгонявших их по численности, пришелся на времена пандемии коронавируса. Специалисты объясняли его потребностью людей в уюте, комфорте и различных